

Россия-НАТО после Лиссабона

Декабрь 2010 года

Сотрудничество России и НАТО, как показали итоги саммита в Лиссабоне 19-20 ноября, должно быть сдержанным. К такому выводу пришли участники круглого стола, организованного по инициативе журнала «Международная жизнь». В итоговых документах Лиссабонского саммита впервые зафиксировано положение о необходимости стратегического партнёрства с Россией. Каким оно видится из Москвы? Своё мнение в формате круглого стола излагали ведущие российские эксперты по международной политике.

Оганесян Армен Гарникович, главный редактор журнала «Международная жизнь», советник министра иностранных дел:

Когда мы эту тему заявляли, то мы были исполнены какого-то, может названного, оптимизма в том плане, что наметится существенный поворот. На мой взгляд, его не произошло, ожидания не оправдались, особенно после тех комментариев, которые вы слышали, про ПРО. Хотя основная содержательная часть саммита была посвящена обсуждению стратегической концепции Североатлантического альянса и реформированию его командной структуры. А во главу угла лиссабонской встречи в верхах было обсуждение проекта создания территориальной системы противоракетной обороны для евроатлантического региона и приглашение России к сотрудничеству по ПРО.

Ивашов Леонид Григорьевич, заместитель директора ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»:

Как мне представляется, прежде чем с кем-то дружить, куда-то вступать, надо разобраться, куда мы стремимся интегрироваться. Что такое НАТО сегодня? – это главный вопрос. Я вижу в истории НАТО три этапа. Первый – это с момента формирования НАТО, которая создавалась для решения двух задач: установление англосаксонского контроля над Европой и консолидация Запада против СССР. Затем функции изменились. Мы наблюдали некую растерянность в стане альянса, когда Варшавский договор рухнул, а потом Советский Союз, и НАТО не могла найти себе применения. Многие натовские военные были обеспокоены за свою судьбу. На втором этапе они избрали другую целевую установку – это консолидация Запада уже не против угрозы со стороны России, а против нестабильности. Какие угрозы и вызовы есть для НАТО? На первое место ставят угрозу распространения оружия массового поражения, далее терроризм, наркотики, нелегальная миграция. Для этого НАТО и необходимо. Натовцы находились в какой-то прострации до лис-

сабонского саммита. Они искали себе применение. Наша разведка докладывала, что примерно 80-85 % всех мероприятий НАТО - это боевая оперативная подготовка штабов, отработка вопросов авиационных ударов, морских десантников. Чтобы ни говорили, НАТО сегодня существует как мощная, единственная по сути, организация с соответствующими планами. Сейчас, как мне кажется, на третьем этапе НАТО становится не инструментом стран Запада и даже не Америки, а транснациональным сообществом, мировой финансовой олигархией. Стратегическая концепция НАТО тоже менялась. В новой концепции нет упоминания о зоне ответственности, как это было раньше (Евро-Атлантическое пространство). Но зато четко прописываются задачи для Североатлантического альянса, которые проецируются на весь мир: нестабильность, риски, угрозы в любой части мирового пространства. Мне кажется, главными противниками НАТО сегодня являются элиты стран Западной Европы. Потому что именно через НАТО Европа подконтрольна Соединенным Штатам, мировым финансовым институтам. И если в Евросоюзе пытаются уйти от полной зависимости от США, то через НАТО их там держат довольно прочно. В этом я убеждался, когда готовились акции против Югославии. Все в Европе против, кроме Британии. В отношении России – Юргенс заявлял об интеграции России, и Медведев намекал. Сделана оговорка по настоянию европейцев: туда будут приниматься только страны европейской демократии. Наше сближение с НАТО, наше присутствие в Лиссабоне

– что оно нам дает? Я, например, для России никакого позитива не вижу. Даже в присутствии президента в Лиссабоне. Есть индикаторы, по которым я могу судить, плюс это или минус. Мы сегодня, облизываясь с НАТО, формируем себе реальные военные, военно-политические угрозы. Из друзей мы делаем противников. Тот же исламский мир. Посмотрите, как последовательно, включая и саммит НАТО, мы сегодня формируем себе из исламского мира угрозы и внутри страны, и, конечно, на внешней арене. Та же НАТО – это не союзник исламского мира. Дали санкции против Ирана, 6 сентября соглашение о военном сотрудничестве с Израилем (это не соглашение в области культуры, оно имеет свою проекцию). Сейчас нас втягивают в Афганистан. И исламский мир, и в некотором роде Манежная площадь – это и есть проявление нашей внешней политики. Второе - когда наш президент поддержал систему противоракетной обороны. Трудно понять, что наша политика безопасности на этом направлении ждет. Как мы в Афганистан прокладываем мосты, вызывает настороженность у Китая. И когда было заявлено, что мы будем защищать НАТО от ракет с Востока, китайцы восприняли это, по крайней мере, не как дружественный шаг. Когда Россия поддержала систему противоракетной обороны, возникли вопросы у государств, дружественных нам. В первую очередь - Китая. Поэтому позиция России должна быть самостоятельной, самобытной; ни в какие альянсы не вступать, тем более в НАТО. У России есть мощный по-

тенциал, определённый геополитический статус, поэтому она должна участвовать в переформатировании геополитической структуры мира 21-го века, играть в свою игру и на Западе, и на Востоке, и на Юге. Меня удивляет, что сначала внешнеполитическую стратегию заявляет Игорь Юргенс от нашего олигархата, а потом подключается исполнительная власть. 28 июля этого года г-н Юргенс заявил от имени российского руководства, что цель политики Медведева – это встраивание в евроатлантическую систему безопасности, в иудео-христианскую цивилизацию и вступление в НАТО. Вот такие заявления почему-то трансформируются в реальную политику.

Пушков Алексей Константинович, политолог, профессор и преподаватель МГИМО, автор и ведущий аналитической программы «Постскриптум» на канале ТВЦ:

Сейчас мы находимся на таком этапе, когда формируются две, как мне кажется, позиции. Одна позиция – та, с которой выступает Юргенс. Вторая – та, с которой выступают скептики или реалисты, каковыми они себя считают. Интересно, можно ли найти какой-то средний путь? Недавно состоялось совещание в Институте современного развития, где мы

обсуждали все эти вопросы. У меня такое ощущение, что они понимают, что у такой фронтальной линии встраивания в европейскую безопасность, иудео-христианскую цивилизацию перспективы очень небольшие, потому что значительная часть российского политического спектра выступает с предостережениями на этот счет. Кроме того, есть российская доктрина, которую, кстати, подписал тот же Медведев, и ее никто не отменял. Там говорится, что главная угроза для российской безопасности – это дальнейшее расширение НАТО на Восток. Когда Юргенс говорит, что та линия, которую он представляет, это линия президента, то это надо понимать с некоторым допуском, потому что линия президента более сложная. Мне кажется, что президент как бы находится, как Обама или другие лидеры, в поиске оптимальной политической линии. В данном случае надо искать не то что «middle ground» между двумя позициями, но и выступать с позиций игнорирования НАТО мы тоже не можем. Я в целом с аргументацией Ивашова согласен. Я считаю, что в любом случае все эти маневры являются преддверием одной губительной для нас темы – вступление России в НАТО. Потому что, на самом деле, все эти разговоры о сотрудничестве, о встраивании – это предбанник темы вступления. Как только мы втягиваемся в дискуссию о нашем вступлении, мы теряем полностью европейскую, и вообще трансатлантическую, партию. Наши украинские партнеры говорят, что вы сами отговаривали нас вступать в НАТО, так как это подрывает вашу безопасность, а теперь вы сами начи-

наете серьезно обсуждать на уровне людей, которые являются советниками Медведева или они объявляют себя таковыми, тему вступления. В сентябре я был на Украине, и вполне серьезные люди говорили, вы определитесь. Потом мы теряем всякую аргументацию по отношению к Грузии. Мы вообще проигрываем партию в чистую, как только мы допускаем саму возможность вступления России в НАТО. Я не поленился и навел справки у американских партнеров, насколько серьезны намеки, которые мы получали от Фолькера Рюэ, бывшего министра обороны ФРГ, от Иво Далдера, представителя США в НАТО, почему бы России не вступить в НАТО. Ответ - почему бы нет. Такая формулировка - почему бы нет – светский ответ на несветский вопрос, геополитический. Я спрашивал у серьезных людей в США, насколько эта идея фигурирует в политическом дискурсе. Мне сказали, что вообще не фигурирует. Это исключительно на внешнее употребление администрация Обамы дает своим людям в разных структурах указания как бы намекать России, что если она будет вести себя, как сейчас, то в перспективе этот вопрос будет рассмотрен. Посмотрите, как проходило СНВ-3. Обама лично убеждал всех этих сенаторов. Сенатор Кайл по-прежнему выступает против, а он - ключевая фигура у республиканцев по вопросу СНВ-3. Но даже если ратифицируют договор, то какую цену заплатит Обама за эту ратификацию. Те новые сенаторы, которые были избраны 2 ноября в Конгресс, обратились к Обаме с письмом перенести на зимне-

весеннюю сессию этот вопрос, поскольку они хотели бы принять участие в дискуссии по очень важному для Америки договору. Может быть, это лукавство, может быть, они тем самым хотят его зарубить. Приходят 7-8 новых человек к Обаме в ярости, что их проигнорировали, и Обама получает по полной программе по всем другим направлениям, в том числе и взаимодействие с нами. То есть, сейчас одерживая победу, потом ему будет стоить серьезного ожесточения со стороны республиканцев. Администрация Обамы рассматривает ратификацию Договора о СНВ-3 не столько с точки зрения американской безопасности, а сколько с точки зрения раскола тандема, который руководит в России. Это рассматривается в контексте 2012 года как удар по силовым позициям в России. Администрация Обамы выработала линию, которую выразил сам президент Обама, когда накануне приезда в Москву в июле 2009 года заявил, что с президентом Медведевым у нас прекрасные отношения, мы друг друга отлично понимаем, а Путин – это человек, который одной ногой стоит в прошлом. Такая линия никуда не ушла – поддержать одного участника из российского тандема против другого участника. Путин, когда давал интервью SNN, дал понять, что он прекрасно это понимает. Саму ратификацию они рассматривают как поддержку участника того тандема, который подписал этот договор. Мы не можем игнорировать НАТО как таковую. То есть, при всей аргументации, которая существует, мы не можем сказать, что НАТО не суще-

ствуется. Даже если мы принимаем концепцию -Россия как самостоятельный центр мира, которая до конца этого года была основой внешнеполитической линии России, - то мы должны определить, как нам себя вести по отношению к НАТО. Эта форма должна быть политкорректной, в любом случае надо найти линию общения с НАТО. Вступление в НАТО невозможно, встраивание в евро-атлантическую систему безопасности - вопрос далекой перспективы. Саркози и Меркель уже объяснили Медведеву в Довиле, что такая концепция может появиться только к 2025 году.

Денисов Алексей Петрович, заместитель директора Института стратегических оценок и анализа:

Решения лиссабонского саммита подтверждают, что НАТО уже нельзя рассматривать как региональную организацию, она превратилась в глобальную. И новая стратегия альянса направлена именно на укрепление и расширение этого статуса. Ещё один вывод из саммита: сегодня наращивание военной мощи альянса уже не столь актуально, как прежде. НАТО представляет собой самый мощный альянс и превосходит все центры силы, которые есть на планете. Наращивается его политическая мощь и его влияние на внутреннюю политику

целого ряда государств. В частности, идут высказывания по линии НАТО о ситуации в Белоруссии, на Украине, не говоря уже о Грузии. В отношении России позиция НАТО скорее тактическая, чем стратегическая. И именно в сторону тех вопросов, в которых альянс сегодня крайне заинтересован. Принятые в Лиссабоне решения не устраняют основных противоречий стратегического курса НАТО в отношении России. В новой концепции, принятой в Лиссабоне, ни словом не упоминается о рассчитанной на длительную перспективу линии в отношении России. Хотя и упомянут курс на стратегическое партнёрство. Реально обозначены лишь задачи дня. И не более того.

Никакого смягчения позиций НАТО в отношении так называемой территориальной целостности Грузии саммит не обозначил, но остаётся по-прежнему в силе расширение НАТО за счёт Грузии и Украины, заключение нового Договора о европейской безопасности, о роли ОБСЕ – все эти проблемы не вынесены в сегодняшнюю повестку дня, но и не сняты с неё. Рано или поздно все эти проблемы выйдут на первый план в отношении Россия-НАТО. Ни о каком вступлении в НАТО для России быть не может. Это исключено.

Пушков Алексей Константинович:

А что делать? Сдержанное партнёрство?

Ивашов Леонид Григорьевич:

В НАТО есть страны, с которыми мы можем сотрудничать на двусторонней основе. Там, где есть возможность

формировать элементы коллективной безопасности, если они идут на это, можно идти, можно сотрудничать в в сфере борьбы с наркотиками. Но не обязательно со штабом НАТО, где доминируют американцы. Можно и нужно сотрудничать с той же Германией, Бельгией, с Северными странами, которые не входят в НАТО.

Пушков Алексей Константинович:

Из всех крупных стратегических вопросов был бунт по поводу Ирака. Европейские элиты, как правило, в итоге действуют по указке Соединенных Штатов. Наверное, не от хорошей жизни. Они не хотят тратить деньги на военный бюджет, в условиях кризиса они тем более не хотят этого делать. У них нет космической стратегической разведки. Евросоюз пытается сделать что-то в этом направлении, но пока ничего не получается, ЕС полагается на американцев в этом вопросе. Кроме того, у них нет самостоятельных военных баз, а те которые есть, отдаются опять же американцам для того, чтобы они защищали пути доставки, в частности, нефти. У европейцев нет опыта самостоятельной переброски крупных воинских контингентов за короткие сроки в другие регионы мира. Только американцы делают это. Европа, по-моему, живет таким слегка недовольным паразитом в плане безопасности, сидят на шее американцев, при этом критикуя их. Критиковать они могут. Насколько серьезно надо воспринимать эту критику? Интеллектуальная критика – да, но насколько она распространяется на политическую сферу и на готовность Европы быть относительно самостоя-

тельным центром силы. Я пока такой тенденции не вижу, но по мере ослабления Америки она может усилиться.

Денисов Алексей Петрович:

Основное направление деятельности альянса – это евроазиатский регион. Сейчас это пока Афганистан. А в далекой геополитической перспективе, учитывая развитие и укрепление связей с азиатскими странами, доминирование на евроазиатском континенте, а также политическое, экономическое и военное сдерживание Китая. Вот на что будут направлены усилия НАТО.

Шевченко Максим Леонардович, журналист, ведущий Первого канала:

Очень важная тема обсуждается, и хорошо, что есть такой формат свободного обмена мнениями. Я попытаюсь рассмотреть этот вопрос с точки зрения соотношения систем интересов и целей тех игроков, которые в современном мире действуют, любой стратегический анализ зависит от понимания субъектов и инструментов, которые они готовы употребить для своих целей. Что такое Европейский союз? Это понятие растяжимое. Нам до сих пор не до конца ясно, что же он собой представляет. В контексте НАТО все страны ЕС связаны с США в единой системе. Внутри ЕС

есть достаточно серьёзные противоречия, конфликт интересов. Очевидно, что США навязали ведущим державам Европы Германии, Франции, Италии, Великобритании в нагрузку страны-лимитрофы - осколки бывших империй, которые сами по себе не могут прожить на таком уровне, на котором было заявлено — уровне поддержки жизни населения за счет своих экономик. Они связаны по рукам и ногам финансовыми инструментами Евро-союза. В этом контексте НАТО надо рассматривать двояко. На территории Европы НАТО надо рассматривать не столько как военный союз, сколько как систему политических отношений. С европейского континента, собственно европейской составляющей НАТО, военной угрозы по отношению к России не может исходить в ближайшее время. Европа ни в коей мере не заинтересована в каких бы то ни было военных конфликтах. Даже югославский конфликт для Европы, навязанный Соединенными Штатами по преимуществу и навязанный истощением ФРГ, которая решала свои вопросы, в том числе, укрепления позиций Объединенной Германии. Коль считается одним из виновников югославской войны. Здесь надо было прикрыть и аннексию Германской Демократической Республики, и иные позиции по нарушению Хельсинкских соглашений 1975 года о нерушимости европейских границ. Поэтому было и такое поспешное признание Хорватии и Словении со стороны Бонна, тогда еще не Берлина. Югославская война — это тяжелый опыт, который завершился для европейцев прежде всего тем, что на юге появилась еще одна

мощная американская военная группировка.

Это также важный фактор удушения Европы, один из инструментов давления на Европу. Косово - это тромб на важнейшем транспортном пути, который идет в Европу с юга.

Для Европы крайне важно обеспечить свою экономику, состояние евро реальными активами. Реальные активы могут поддерживаться только за счёт непрерывного роста, в частности, энергопотребления. Поэтому Европа находится перед дилеммой: с одной стороны, хочется получать ресурсы с Ближнего Востока, но на Ближний Восток европейцев не пускают. Кризисы на Ближнем Востоке, которые являются конкурирующими по отношению к американской политике. Можно даже проследить, где сталкиваются интересы европейцев и американцев. Достаточно проанализировать позицию турецкого руководства, которое является важнейшей составляющей НАТО.

Сложная игра, которую ведут Эрдоган с Гюлем, на первый взгляд антиамериканская, антиизраильская, по сути, может восприниматься и интерпретироваться как антиевропейская игра. Я не знаю, какой глубины чистки проведены в турецкой армии, но то, что все турецкие военные являются агентами американского влияния, не вызывает никакого сомнения.

НАТО, безусловно, становится разделенной на две составляющие. Первая — с НАТО как с системой европейской безопасности необходимо взаимодействовать. Необходимо всячески вычленивать и европейскую составляющую НАТО из общего контекста.

НАТО как система американской политики – это, безусловно, агрессивный военный блок, за прошедшие 20 лет прошедший как минимум три полноценных войны, в ходе которых были применены все виды оружия, за исключением ядерного и тактического ядерного оружия. В частности, в Афганистане они рассматривали этот вопрос. Но применялось оружие из объединённого урана. Поэтому для российской внешней политики и дипломатии есть задача: постоянно работать на разделение европейской и американской составляющей НАТО. Наша внешняя политика так и работает. Отношения с Европой являются важнейшими стратегическими на сегодняшний день - недопущение никаких конфликтов с Европой. Я лично воспринимал украинские события 2004 года как, безусловно, антиамериканскую постановку. Стратегическая задача американцев – на всех путях коммуникаций между Ближним Востоком, Россией и Европой создавать максимальное напряжение. Этому служит Лукашенко, дестабилизация Крыма и Кавказа, ксенофобские фашистские режимы в Прибалтике, этому служил Ющенко. Задача России на всём этапе этого санитарного пояса идти на сближение российских и европейских позиций с Германией, Францией, Италией, Бельгией. Но и по изоляции американских лимитрофов надо вести активную политику. Здесь надо вести более активную политику, в том числе и политтехнологическое влияние. В начале 2000-х по части Венгрии, в частности, Россия вела такую политику, и Венгрия поддерживала правительство, которое

было заинтересовано в хороших отношениях с Россией. Отношения с Польшей, на мой взгляд, выстраиваются с серьезными ошибками. Тема Катыни, с моей точки зрения, - унижение статуса нашей страны, это не расследованное дело, по которому есть неподтвержденные документы, которые не подвергались анализу, нет нормальной уголовно-процессуальной экспертизы, нет, в конце концов, эксгумации тел, которую проводили Геббельс и советская комиссия, как две взаимоисключающие позиции. В польском сейме (у меня там есть знакомые) говорят, что сейчас они будут предъявлять иски на 20 миллиардов евро по якобы тем преступлениям. Я к полякам отношусь как к нации симпатией, но к Польше как государству – с подозрением, потому что, я считаю, что Польша всегда, при любых обстоятельствах будет играть роль антироссийского политического субъекта в восточной Европе. Потому что сама Польша возникла на четырех китах современной Польши Пиусецкого: на отторжении от Российской империи (то есть на русофобии), на борьбе с советской властью (т.е. на антисоветизме и на антисемитизме (потому что еврейство воспринималось как проводник советской политики), и на украинофобии, потому что борьба с украинцами - один из факторов борьбы за территории Польского государства. Нет, это имеет отношение к НАТО. У меня как у эксперта возникает вопрос: с кем нам договариваться? Это одна из проблем российской дипломатии. С Вашингтоном? С Брюсселем? С Варшавой? С Берлином? С какими-то еще силами?

В Швейцарии? Где? Такое ощущение, что возникает много площадок и просто непонятно, как эти площадки та-суются, где конечное принятие решений. Мы говорим, в Вашингтоне, но нет, это не до конца Вашингтон. Конечное принятие решений, то есть Вашингтон тоже не может совсем уже нагло продавливать по отношению к европейским государствам свою позицию. В Брюсселе? Нет, это не Брюссель, потому что тоже сам по себе Брюссель носит совещательный характер, а не принятия окончательной визы. В связи с этим я вижу только одну ясную линию российской политики по отношению к НАТО, это постоянное разделение и отношений США и НАТО и постоянное разделение НАТО с Европой. Там есть третий фактор отношений с восточной Европой. Китай я вообще не вижу в контексте с НАТО. Мне кажется, что неправильно китайскую тему в это вносить, потому что китайцы этого очень хотели бы. Но зачем нам за них делать их работу? Пусть сами договариваются через Вашингтон и через свои каналы о том, чтобы их мнение там учитывалось. Мы не должны быть проводниками китайских интересов в этом вопросе.

Пушков Алексей Константинович:

Максим здесь призывал отделять Европу от Америки. Да, есть Европа со своей политикой, но по всем крупным стратегическим вопросам идя в Брюссель, мы приходим в Вашингтон. Вот это, мне кажется, надо иметь в виду.

Оганесян Армен Гарникович:

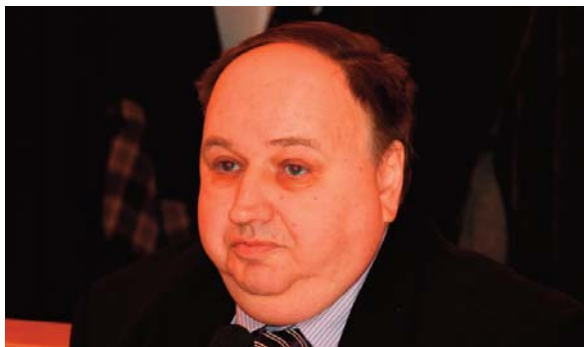
Что касается европейцев, правда, у них должен быть баланс страха,

должна быть такая угроза существования Европы в ее интересах очень существенных, которая бы пересилила страх перед Вашингтоном. И зависимость, и страх – все это в одном. Представить себе такую ситуацию можно. На самом деле, мы живем в мире катастроф. Почему эти проблемы с Ираком и возникли. Господин Шафраник, говорил, что Ирак и Иран рассматривались Европой как официальные поставщики энергоресурсов. Поэтому абсолютно верно, необходимо разделять эти два вектора – Европа и НАТО (НАТО как проводник интересов США). Баланс страха может быть нарушен – это факт. Не нужно в это ввязываться, тогда мы поссоримся с Европой. Когда мы проводили круглый стол с французами, они говорили: «Вы только держитесь нас и немцев, и все будет хорошо. Только не играйте, пожалуйста, на франко-германских противоречиях, которых нет на самом деле (нет, когда речь идет о вас)». Это можно было понять и в это поверить, мы не могли даже повестку сдвинуть с места в другую сторону. Всю первую часть этой дискуссии мы говорили о необходимости создания треугольника. Европа – это и единый, и очень разнородный организм. Максим сказал, что мы не понимаем, что такое Европа, но мы сами еще не понимаем, что мы наворотили, мы сами европейцы не понимаем, что такое Евро-союз. Поэтому это очень интересно, спасибо!

Шевченко Максим Леонардович:

Разоблачая косовские дела, мы эмоционально ведемся на поводу у американской политтехнологической

разработки, потому что, я считаю, что в интересах России максимально гасить любую конфликтную ситуацию вокруг Косово. Не в наших интересах дестабилизация по косовскому варианту, а изоляция косовской элиты может сорвать «Южный поток».

Поволоцкий Григорий Игоревич, шеф-редактор, обозреватель журнала «Международная жизнь»:

Я хотел остановиться на двух моментах, связанных с проектностью НАТО. НАТО как политический проект. Этот проект был сделан Соединенными Штатами Америки и был очень неплохим проектом. Целью проекта, как вы все знаете, было выдавливание Советского Союза из Европы, - это глобальная цель. И второй, одна из основных целей этого проекта - было закрепление американского владычества в Европе. До какой-то степени этот проект был выполнен? Да, Советский Союз распался. После чего США попытались сделать на основе НАТО еще одну политическую проектность - для обеспечения собственных глобальных интересов во всем мире, то есть расширить некое региональное военно-политическое объединение до глобальных размеров. Эти две проектности вошли в очень сильное противоречие именно на последнем саммите в Лиссабоне, и это очень

важно. Если новые страны, которые были приняты после того, как рухнула система социализма и СССР и в настоящее время стремятся к старой проектности НАТО, т.е. к защите территориальной целостности стороны (страны), к так называемой территориальной обороне. То старые члены НАТО менее заинтересованы в этой проектности и, наоборот, обращаются на американские призывы поддержать их инициативы в глобальном плане. Это противоречие двух проектностей в настоящий момент присутствует. Но надо понимать, что обе проектности являются проектностями США, как бы мы ни хотели видеть разницу в позициях США и стран Европы на «поле» НАТО, это не представляется, как мне кажется, возможным. Может быть, совет России и НАТО был парадоксальным. Я объясню, почему я так считаю. Дело в том, что вопросы жесткой европейской безопасности, т.е. политические и военные вопросы (первая корзина ОБСЕ в 90-х гг.), американцы, из-за краха их основного противника - СССР и стран ВД, перенесли на площадку НАТО, они сделали такое мотивационное решение. В данном случае мы идем у них на поводу, мы продолжаем обсуждение. Это стало главной площадкой для решения в вопросах жесткой европейской безопасности в настоящее время. В ОБСЕ, как вы знаете, эти вопросы практически не обсуждаются, более того, НАТО категорически против обсуждения этих вопросов на площадке ОБСЕ. Это один момент. Второй момент, что первоначальный проект НАТО был направлен на то, что США как гло-

бальный лидер данного западного мира получали очень значительную экономическую и военно-технологическую выгоду. Он позволял США на своей территории аккумулировать наилучшие достижения в области научно-технической мысли и подпитывать это определенными финансовыми средствами. Ради этого и была придумана собственно и программа стандартизации НАТО. Эта знаменитая американская стандартизация в области вооружений, которая им помогла во время Второй мировой войны. В настоящее время, когда США видят, что все больше и больше их противником и конкурентом на мировой геополитической арене становится Китай, у американцев возникает желание все меньше и меньше обращать внимание на НАТО как на инструмент своего глобального воздействия на мир. Здесь очень знакомым было назначение Иво Далдера на пост постоянного представителя США в НАТО, потому что этот человек неоднократно заявлял, что, по его мнению, вопросы глобального будущего, глобального правления в мире должны решаться, прежде всего, в рамках некой Лиги демократии. Вы знаете хорошо известную идею, которая довольно активно муссировалась во времена Буша и в СМИ, и в политической элите США. Американцы отходят от натовского проекта и вообще от проектности НАТО, идут к некой новой проектности. В чем она будет заключаться? Им нужна более мобильная, более активная система государств какого-то нового политического союза, которая помогла бы им реально противодействовать вызовам,

которые бросает Китай в настоящее время и будет бросать все больше и больше в будущем. Для этого НАТО, как они убедились, не подходит по многим принципам: это аморфная, очень тяжело управляемая в настоящее время со стороны США организация. Становится все сложнее и сложнее добиваться консенсуса из-за роста противоречий в рамках этих двух существующих - новой и старой проектностей НАТО. В рамках того, что туда были приняты государства, которые, может быть даже, и не были готовы к уровню взаимодействия на уровне старых натовских государств. Это один момент. США нужно проводить модернизацию и уходить в дальнейший технологический отрыв от своего возможного геополитического противника - Китая. И с этой целью механизм НАТО уже перестает действовать из-за появления на этой площадке некоего дополнительного центра силы, в связи, как мы знаем, с все большей и большей политической и экономической консолидацией европейских государств вокруг Европейского союза. Им нужен новый механизм. Каким он будет? Вы знаете, даже Иво Далдер высказывал такие идеи (до того как стать главой представительства США при НАТО), что было бы хорошо, если бы в этот союз вошли такие страны, как Индия, Бразилия, Южная Африка, Швеция и т.д. Здесь, мне кажется, есть определенный тренд, он пока не так ярко заметен, но, как известно, американцы очень любят делать все постепенно в плане построения неких политических схем. Тренд Соединенных Штатов - отход от НАТО. Возможно,

прав генсек НАТО, когда он выражает опасения по поводу поведения США, больше даже чем в отношении России, в связи с предстоящей ратификацией договора СНВ в США. Здесь вопрос — как поведут себя американцы, сделают ли они все правильно с точки зрения Европы. Мне кажется, что тема противодействия НАТО Китаю будет идти до какой-то поры как некий второстепенный тренд в политике США. Но как появится новая возможность, они отбросят этот механизм и заменят его новым, и в этой связи хочу сказать, чем хуже положение НАТО в этих двух проектных, чем больше противоречий между ними, тем лучше отношения с Россией. Мне кажется, что за год или за 2 года до того, как НАТО вообще окончательно рухнет под бурные и продолжительные аплодисменты, Россию в НАТО примут и вот на этом НАТО и закончит свою долгую и яркую жизнь.

Михеев Сергей Александрович, генеральный директор Центра политконъюнктуры и Института каспийского сотрудничества:

Я думаю, что в значительной степени история обсуждения возможности интеграции России в НАТО — это наша внутренняя российская история. Насколько я понимаю, одними из главных инициаторов

данной дискуссии были российские политики, политологи, эксперты и т.д. Как господин Пушкин заметил, в Америке об этом всерьез никто не говорит. Мне тоже так представляется, хотя я фактами не владею, я просто по наитию анализирую, что на самом деле в отношении России в данном случае предпринимается. У Запада понятная и простая политика — получать реальные уступки за нереальные обещания, получать какие-то дивиденды в обмен на улыбки, обещания, похлопывания по плечу, рассмотрение различных программ, конференции, участие в саммитах и т.д., и т.п. Одна из подобных уступок так же была озвучена — это возобновление такого более активного движения в НАТО (Украина и Грузия). Другая уступка — интеграция нашего военно-промышленного комплекса под натовские стандарты, сворачивание в значительной степени нашего собственного ВПК и переход на закупки иностранного вооружения, что тоже сейчас происходит. Третья, достаточно важная цель, — трансформация политического строя внутри самой России. Было четко сказано господином Ивашовым, что одно из условий, которое в том числе и на Лиссабонском саммите было озвучено — это расширение НАТО, но в НАТО будут приниматься страны только европейской демократии. Соответственно, пока мы не станем страной европейской демократии, серьезно разговор идти не может, надо становиться страной европейской демократии. Т.е. это прямое и косвенное — различное влияние на наше внутриполитическое устройство. И если го-

ворить об этом последнем пункте, мне кажется, что это один из главных мотивов тех, кто здесь, в России, организует всю эту дискуссию и продвигает этот процесс вперед. Они интересуются чем угодно: вопросами безопасности, геополитических доктрин, евразийских стратегий и прочее. Их интересуют конкретные вещи: положение в России, в том числе и положение тех политических и финансовых групп, которые с ними связаны - это возврат в значительной степени к ситуации 90-х гг. и радикальное изменение внутриполитической матрицы в России, и, может быть, в дальнейшем ее внутриполитической ориентации. С моей точки зрения, еще идет речь об ослаблении России - это, собственно говоря, и является самой целью. А дискуссия по НАТО - один из запальных механизмов данного процесса. Почему бы не обосновать очередную трансформацию в стиле 90-х вот таким вот внешнеполитическим вектором. Нам надо интегрироваться с НАТО, интегрироваться с Европой, а поэтому давайте сделаем одно, другое, пятое, десятое. НАТО имеет внутренние тенденции для изменения себя, она может измениться, может, не изменится, давайте поможем НАТО измениться. А как? Тем, что мы сами будем меняться, сами делать шаги навстречу, делать разные уступки. И мы будем меняться, и тогда НАТО увидит, что мы меняемся - такая сказка абсолютная для третьего класса. И все само тоже поменяется и настанет всемирное процветание и благолепие. В общем, это чушь, к реальной жизни отношения никакого не имеющая, тем не менее,

она продвигается. Что касается мотивов, по которым эта идея продается нашему руководству. Опять же я не обладаю инсайдерской информацией, но, насколько я понимаю, мотивов может быть несколько. Первый касается президента Медведева, который должен остаться в истории. Если при президенте Медведеве будут реализованы несколько крупных внешнеполитических проектов, например, ратификация того же СНВ или качественное изменение отношений с НАТО - вот это здорово. Я точно совершенно знаю, что такие мысли, в частности и экспертным сообществом, в сторону президента двигаются. Второе - НАТО в определенной степени трансформируется в клуб транснациональных корпораций, которые таким образом управляют миром. Это другая история, другой мотив, по которому продают эту идею необходимости интеграции в НАТО. НАТО становится клубом, управляющих миром. Поэтому нам надо туда интегрироваться, чтобы лучше этим миром управлять, чтобы иметь больший доход. Через этот клуб мы вступим в клуб управляющих - это заветная мечта нашей элиты. Мы ищем, куда бы нам вступить, чтобы получить некую кнопку, чтобы управлять этим миром наравне с ними, участвовать в решении мировых процессов. А может быть нам еще в НАТО вступить, а потом вместе заператься и решать вопросы мировой политики. Я думаю, что примерно так эти вещи продаются нашему руководству. Что касается Китая. Да, наверное, какие-то проекты по поводу того, что с помо-

пцию России можно будет сдерживать Китай, могут иметь место. Но в обозримой, ближайшей перспективе я лично не очень представляю, как американцы могут использовать Россию для противостояния Китаю. То, что теоретически это возможно и любая фантастика может реализовываться - это точно. Но в ближайшей перспективе, я думаю, что таких реальных рычагов использования России против Китая пока у них нет. Хотя, может, нас будут к этому несомненно продвигать.

Поволоцкий Григорий Игоревич:

Вы знаете, все-таки есть определенные государства, помимо России и стран НАТО, которым российско-американское и российско-натовское сближение, как показала практика последнего времени, особенно дискуссий в Москве, проведенных после лиссабонского саммита, очень интересно. Посол Египта в Москве предложил очень интересную инициативу - подумать о возможности сотрудничества в рамках совета России-НАТО, о возможности участия в рамках этой организации в ближневосточном урегулировании, учитывая хорошие отношения России с палестинцами и неплохие отношения ряда натовских структур с Израилем. Тут, мне кажется, есть определенные реальные плюсы, которые российское правительство может получить, и это не будет чисто внешний пиар. Здесь будет реальный плюс для усиления присутствия России на примерно той же площадке ближневосточного урегулирования.

Шевченко Максим Леонардович:

Мне кажется, что это опасная иллюзия - Израиль для того и создавался, чтобы отрезать Европу от Ближнего Востока. Это был один из смыслов создания государства Израиль, как оппонирующего по отношению к Европе. Да, внутри Израиля, особенно в израильской армии можно проследить, выделить некие группировки, которые мы можем условно назвать «европо-ориентированными». Эта тема, в частности, присутствует в фильме Спилберга «Мюнхен», где парень, родом из Германии, мучается совестью, как так убивать на территории родной Европы. Большая часть израильтян такими проблемами не мучается, поверьте. Поэтому здесь как раз европейским форпостом на Ближнем Востоке, конечно, является Ливан. Ливан – это европейские ворота на Ближний Восток: финансовые ворота, элитные, экономические и политические ворота. Задачей (одной из стратегических задач) Израиля постоянно держать Ливан в состоянии дестабилизации, усиление вливаний Хезболлы, в частности, приводит к консолидации ливанского политического поля. Мы видим, как поменялось руководство, принц Аслан поднимается - такие нюансы, но они существенны, потому что это маленькая микроскопическая страна является очень важным триггером, который перебрасывает нити ближневосточной и гораздо большей энергетической глобальной политики. В России это не освещается так широко в силу понятных причин. Мы не будем о них говорить. Я вообще считаю, что Россия делает очень

большую ошибку, что она так ориентируется на Израиль (не в глобальном смысле, а как на субъект ближневосточной политики, а не на Ливан). России надо укреплять свои позиции в Ливане. Ливан – это точка сотрудничества с Европой, с Францией, прежде всего, с римско-католической церковью как важнейшим субъектом европейской политики. Ливан – это мощнейший антиамериканский европейский фактор на Ближнем Востоке. И уничтожение Бейрута в свое время в ходе гражданской войны было инспирировано, в частности, американской политикой. Я считаю, что это были задачи уничтожения Гонконга, Ближнего Востока и альтернативного Израилю экономического и государственного центра. Теперь, что касается Китая и России. Дело в том, как мне не прискорбно это признавать, что РФ возникла помимо воли Советского Союза, она возникла помимо воли и чаяний всех поколений интеллигенции советских, антисоветских, монархических, белогвардейских – каких угодно. Даже генерал Власов не мечтал о том, чтобы Россия была вот в таких границах. Ни один человек никогда в истории российской культуры, политики не мечтал о возникновении РФ в тех границах, в каких она существует. Конечно одной из главных проблем РФ – неустойчивость в политическом историческом смысле. Россияне – Борис Николаевич ввел этот термин – над ним много смеялись, но это правильный термин. Нам еще предстоит сформировать российскую нацию в России, конечно, через дестабилизацию, в частности через этнический фактор. Я считаю, что этнический –

это фактор в своем стратегическом залоге антикитайский, конечно, потому что он наносит удар по Средней Азии как региону китайских прямых интересов. Наносит удар по отношениям России с великим своим восточным соседом. Проблему мигрантов Китай неизбежно будет воспринимать как проблему отношений с Китаем. Потому что нет более иных, более чужих по отношению к нашей территории, чем китайцы. Ни афганцы, ни иранцы, ни турки, ни корейцы не являются настолько чужими нам, как китайцы. И поэтому эта тема в своем развитии, мне кажется, должна быть максимально пригашена, если мы не хотим испортить отношения с Китаем серьезно. Все китайские мигранты, даже триады, подчиняются политическому руководству армии и КГБ Китая. Это абсолютный факт. А у нас, я не знаю, как, я этот вопрос не исследовал, но про Китай достаточно сказать, что внешнеэкономической политикой руководит руководство армии, генеральный штаб, не министерство экономики. К ШОС я отношусь как к альтернативе, с одной стороны, а с другой стороны – это небезопасно для своего потенциального развития в стратегической конфигурации. Понятно, что доминирующим государством в ШОС является не Россия, а Китай, и противопоставление ШОС НАТО – это попадание России между молотом и наковальней в своем потенциальном развитии. Я бы эту тему ШОС так сильно вообще не педальровал бы, потому что наполнить реально его нечем, кроме 30 миллионов китайских добровольцев по большому счету. Не двумя же этими

бригадами российскими ШОС будем наполнять. Или нашими «Тополями». Как говорится, ШОС ракетами не наполнишь. Потом китайцы тоже воспринимают ракеты, как направленные на них. Это очень важный момент. Игра между Европой и Китаем – очень опасная. Россия, прежде всего, должна максимально укреплять свои стратегические отношения с Европейским союзом, максимально. Это важная позиция.

Оганесян Армен Гарникович:

Я думаю, что все эти разговоры о вхождении в НАТО, это, конечно все разговоры, не имеющие под собой никакой основы и влияющие на наш внутриполитический дискурс (здесь об этом говорилось). Это рассчитано на нашу внутриполитическую ситуацию, чтобы консолидировать сторонников этого вхождения. Никакого отношения к реальной картине мира это не имеет. Действительно, дело все в том, что США-НАТО противопоставить Китаю ничего, действительно, не сможет. США находится в поисках противовеса, в поисках какого-то другого союза, может быть это будут тихоокеанские страны. Собственно такие союзы уже есть, но они не нацелены напрямую против Китая. Дело все в том, что проектность конфронтации с Китаем и политическая, и военно-экономическая диктует очень сложный вызов, поиски новых политических союзов. О самой Америке. Обратите внимание, что сейчас сделал Обама: он стал просто возвращаться ко внутренней политике. Он фактически добился соглашения с республиканцами по

налогам, он практически вернулся в эру Буша, потому что это была его стратегия. Для США налоги – это все. А вот как с внешней политикой? Как он будет вести себя? Команда его разваливается, начинается бегство. Он останется один. В этом сейчас угроза – неопределенность политической судьбы Обамы для наших российско-американских отношений.

Ивашов Леонид Григорьевич:

Здесь упоминался ШОС в ругательном смысле. Россия, Индия, Китай, Иран – это четыре матричных цивилизационных государства, и обосновывали тем, что именно Индия и исламский мир будут балансировать нашу безопасность по отношению к Китаю. Но с Индией никто не работает. Поэтому автора идеи ШОС я никогда не отвергаю. Второе, БРИК – то же самое, балансирующая такая модель. Когда мы говорим, что НАТО, Евросоюз надо не брать аморфно, а брать Германию в союзники, еще кого-то и выстраивать такие балансирующие элементы. У меня есть идея, что Россия должна и сегодня идти на Ближний и Средний Восток по такой же схеме: Россия, Иран, Турция, Дамаск, Сирия. И тогда Россия будет действительно выстраивать поле баланса сил. И в Европе так работать, и на Ближнем Востоке, и в Турции. Турция запросится в ближайшие годы в союз с Россией, потому что ее ждет судьба Югославии, и она это понимают.

Пушков Алексей Константинович:

Я хочу подвести итог. Первое – вступление в НАТО невозможно. Мы не

проходим по политическим требованиям. Я выступал в мае докладчиком нашей парламентской делегации на заседании парламентского комитета Россия-НАТО в Риге. Все вопросы по внутренней политике, за редким исключением. И отношение совершенно однозначное. Мы не проходим потому, что это внесет в НАТО еще большую сумятицу, и те страны Европы, которые себя чувствуют там лидерами (Франция, Англия, Германия), сразу окажутся в непонятной позиции. Они нас там не хотят. Не только американцы, нас европейцы не хотят. Не говоря уже о наших восточноевропейских друзьях и прибалтах, которые от нас всю жизнь бегали. Они этого не допустят - это совершенно очевидно. Китайский фактор, я считаю, играет сдерживающую дополнительную роль. НАТО не станет провоцировать Китай приемом России. Второе - тема НАТО звучит так, как будто это ключевая проблема модернизации России. Это абсолютно маргинальная

проблема модернизации России, это создает некий улучшенный политический контекст для инвестиций. Но инвестиции сюда придут по совершенно другим мотивам, если мы захотим. Обама не командует американским бизнесом, а Саркози французским - не командует. Китай - не член НАТО. Третий момент - это европейская безопасность. У нас не будет общей концепции еще 15 лет, потому что их концепция натоцентрична, они не хотят медведевский договор о коллективной безопасности. Мы должны сотрудничать по конкретным направлениям. Здесь мы должны смотреть, по каким. Спасение моряков, утопающих в море, - да. Афганистан - надо уже серьезно думать, до какой степени мы должны туда идти. Не стоит бояться использовать транзит в качестве рычага воздействия на НАТО. А если люди ведут себя неадекватно, можно и приостановить этот транзит, создать какие-то проблемы для этого транзита. Сейчас два пути транзита, между

прочим, один из Риги до афганской границы через всю страну – железно-дорожный. А второй путь – воздушный, который мы подписали, когда Обама приезжал в Москву. Два пути транзита – два рычага воздействия на НАТО. Они к этим вещам очень чувствительны. Когда глава нашей делегации Совета Федерации, Озеров задает Расмуссену вопрос в Риге на этой парламентской ассамблее, почему размещаются ракеты в Польше. А он отвечает, что призывает Россию перестать прибегать к риторике «холодной войны». А лучше подумать, чем она нам может помочь в Афганистане. После этого наша делегация должна была встать и уйти, но она, естественно, не решилась. Давайте рассматривать конкретные проекты. Но на базе торга, на базе жесткого отслеживания наших интересов. А у нас сейчас такая позиция – мы пойдем на уступки, а потом они нам что-то дадут – ничего не дадут. Третий момент. Я считаю, что это иллюзия, если мы считаем, что оторвем Европу от США. Этим занимался СССР, это была излюбленная идея Примакова. «Европа должна стать нашим союзником», – сказал сегодня Максим

Шевченко. Европа не станет нашим союзником. Вот это иллюзия.

Шевченко Максим Леонардович:

Надо добиться проведения «Южного» и «Северного» потоков. Это тактическая задача.

Пушков Алексей Константинович:

Не надо себя обманывать, что нам удастся европейцев оторвать. В любом случае, европейцы все говорят, Европа без России – это ничто. Я не вижу ни одного серьезного носителя этой идеи. Какой-нибудь президент, де Голль мог бы быть носителем такой идеи, но он умер, и с тех пор Европа никого больше не родила. Саркози? Нет. Никогда. Саркози – игрок, Саркози – американец, как его называют в американской прессе. Мне кажется что, если мы и придем к консенсусу партнерства, но сдержанного, не ограниченного, оно должно быть широким. Но мы все время должны себя сдерживать. Мы все время должны идти на встречу в надежде, что нас отблагодарят, но этого не будет.

Спасибо всем участникам круглого стола за конструктивные выступления.

Редакция журнала "Международная жизнь"
Главный редактор **Армен Оганесян**

Руководитель электронного издания –
Валентина Злобина

Расшифровка –
Ольга Иванова
Елена Шашкина

Дизайн, макет, верстка –
Антон Пантюхин

Фотографии –
Владимир Андриюшин

Адрес в интернете: <http://www.interaffairs.ru>,
электронный адрес: journal@interaffairs.ru

Адрес: 105064, Москва,
Гороховский переулок, 14
Телефон: +7 (499) 265-37-81
Факс: +7 (499) 265-37-71